

ЭВОЛЮЦИЯ КРИТЕРИЕВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТЕПЕНИ ТЯЖЕСТИ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: ОТ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРАВА К СОВРЕМЕННОСТИ

Анна Михайловна Чихрадзе

Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия
anna.chikhradze@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0000-0763-2228>

Аннотация. В статье представлен историко-правовой анализ развития критериев определения тяжести вреда здоровью в российском уголовном законодательстве — от древнерусского права до современных нормативно-правовых актов. Исследована эволюция данных критериев, раскрыта их общая концептуальная направленность на протяжении всех исторических периодов. Исследование основано на широком спектре источников, включая древние памятники права (Русская Правда, Судебники 1497 г. и 1550 г., Соборное уложение 1649 г.), дореволюционные и советские уголовные кодексы, а также современные законодательные и подзаконные акты.

В исследовании применены общенаучные методы анализа и синтеза, диалектический подход, а также историко-правовой и сравнительно-правовой методы.

Установлено, что оценка тяжести причиненного вреда здоровью основывалась на утилитарно-функциональном подходе (учет утраты потерпевшим анатомической целостности тела или его трудоспособности). Подчеркивается, что данная правовая парадигма, ориентированная прежде всего на внешнюю полезность человеческого тела, сохранялась концептуально единой, несмотря на смену эпох и терминологии. В заключение обосновано, что сегодня такой подход не соответствует современным научным, юридическим и медицинским представлениям о ценности здоровья и требует пересмотра.

Ключевые слова: вред здоровью, функциональный критерий, экономический критерий, историческая эволюция, утрата трудоспособности, телесные повреждения

Для цитирования: Чихрадзе А. М. Эволюция критериев определения степени тяжести вреда здоровью в уголовном праве России: от древнерусского права к современности // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 4 (47). С. 96–100. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-47-4-96-100

Research article

EVOLUTION OF CRITERIA FOR DETERMINING THE SEVERITY OF HARM TO HEALTH IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA: FROM OLD RUSSIAN LAW TO THE MODERN DAY

Anna M. Chikhradze

St. Petersburg University of the MIA of Russia, St. Petersburg, Russia
anna.chikhradze@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0000-0763-2228>

Abstract. The article presents a historical and legal analysis of the development of criteria for determining the severity of harm to health in Russian criminal legislation — from ancient Russian law to modern regulatory legal acts. The evolution of these criteria is studied, their general conceptual focus is revealed throughout all historical periods. The study is based on a wide range of sources, including ancient legal monuments (Russkaya Pravda, Sudebniks of 1497 and 1550, Sobornoye Ulozhenie of 1649), pre-revolutionary and Soviet criminal codes, as well as modern legislative and by-laws.

The study applies general scientific methods of analysis and synthesis, a dialectical approach, as well as historical-legal and comparative-legal methods.

It was established that the assessment of the severity of harm caused to health was based on a utilitarian-functional approach (taking into account the loss of the anatomical integrity of the body or his ability to work by the victim). It is emphasized that this legal paradigm, focused primarily on the external usefulness of the human body, remained conceptually unified, despite the change of eras and terminology. In conclusion, it is substantiated that today such an approach does not correspond to modern scientific, legal and medical ideas about the value of health and requires revision.

Keywords: forensic science, forensic systematics, cycle, crisis, synthesis, digital transformation, artificial intelligence

For citation: Chikhradze AM. Evolution of Criteria for Determining the Severity of Harm to Health in the Criminal Law of Russian Federation: from Old Russian Law to the Modern Day. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(4):96-100. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-47-4-96-100 (In Russ.)

Введение

Проблема критериев определения степени тяжести вреда здоровью имеет длительную историю развития в уголовном праве России. От правильности выбора таких критериев зависит квалификация преступлений, справедливость назначенных наказаний, а также эффективность защиты здоровья как объекта уголовно-правовой охраны. В разные периоды исторического развития нашего государства законодатель неоднородно подходил к правовой оценке причиненного вреда здоровью потерпевшего: от казуистического перечня увечий и ран до построения сложной системы медицинских и юридических признаков в современном законодательстве. Однако, как показывают исследования, общим знаменателем для разных периодов развития законодательства сохранялась утилитарная природа этих критериев — они исходили из ущерба функциям тела или его способности к труду, а не из ценности здоровья человека.

Вопросам квалификации причинения вреда здоровью, в том числе и через исследование критериев его определения, посвящали свои труды как ученые дореволюционного периода (В. Д. Снигирев, А. А. Жижиленко), так и советские и российские ученые (М. Д. Шаргородский, А. С. Никифоров, Н. И. Загородников, Е. А. Рукавишников, Е. В. Безручко и др.). Они отмечали неоднозначность понимания критериев тяжести вреда здоровью и выдвигали предложения по их совершенствованию. Тем не менее до сих пор сохраняются дискуссии о том, насколько современная система критериев соответствует актуальным достижениям права и медицины.

Цель данного исследования — показать, что на протяжении всей истории российского уголовного права подход к оценке тяжести причиненного здоровью вреда оставался концептуально единым (утилитарно или функционально-утилитарно направленным), и то что данный подход в современных условиях нуждается в пересмотре.

Описание исследования

Одним из первых письменных источников русского права, затрагивающих вопросы ответственности за причинение вреда здоровью, является Русская Правда. В ней отсутствовала развитая классификация тяжести вреда здоровья и критериев ее определения в современном понимании. Документ уделял внимание скорее обстоятельствам и способам нанесения повреждений, нежели их последствиям. В то же время в расширенной редакции Русской Правды законодатель ставит строгость (размер) назначенного наказания (штрафа — денежного взыскания) в зависимости от тяжести причиненного потерпевшему вреда здоровью. В ней также предусмотрен штраф в размере 3 гривен за применение физического насилия к иностранцам (ст. 31) [3, с. 128]. Однако необходимо отметить, что в Древнерусском праве степень определения тяжести вреда здоровью фактически основывалась на функциональном критерии.

Судебник 1497 г. и последующий Судебник 1550 г. стали первыми систематизированными актами централизованного государства, включившими нормы о преступлениях против личности, в том числе о телесных повреждениях. Эти памятники русского права не содержали в себе дифференциации вреда здоровью, а следовали казуистическому подходу. В статьях упоминались конкретные ситуации: оскорбление словом, побои, нанесение ран и соответствующие меры наказания, на строгость которых оказывали влияние обстоятельства причинения вреда и положение в обществе потерпевшего [7, с. 176–200]. Указанные нормы отображали средневековое понимание справедливости: возмездие равно совершенному деянию с учетом словесной принадлежности, но без медицинской оценки ущерба здоровью. В итоге и на этом этапе преобладал утилитарный подход — наказание было ориентировано на социальные последствия и влекло возмещение ущерба.

Соборное Уложение 1649 года, заложив основу функционального подхода к оценке тяжести телесных повреждений, юридически выделило два их вида — увечье как наиболее тяжкий вид, заключаю-

щийся в утрате частью тела своих функций, и раны [8, с. 232]. Особо Соборное Уложение выделяло умышленное тяжкое увечье — деяние, направленное на причинение серьезного вреда здоровью, сущность которого заключалась в существенном снижении функциональной полноценности человека (лишение конечности, органа чувств, обезображивание). Фактически самым опасным вредом здоровья признавалось то повреждение, которое делает человека калекой, существенно ограничивая его способности и снижая возможность несения им службы.

В целом Соборное Уложение 1649 г. заложило основу функционального подхода: оно юридически дифференцировало телесные повреждения по видам и тяжести. Наряду с тяжестью последствий принимались во внимание и другие факторы — способ и орудие причинения вреда, личность потерпевшего (например, особой охране подлежали родители, должностные лица) [1, с. 409]. Но ключевой мерой оценки тяжести оставалось именно увечье — стойкое ухудшение телесной целостности или работоспособности потерпевшего.

Система наказаний за причинение телесных повреждений в Петровскую эпоху по-прежнему исходила из функциональной оценки вреда здоровью — увечье, то есть непоправимое повреждение органа считалось более тяжким преступлением, чем просто рана или побои без долговременных последствий. Дополнительно вводилось понятие членовредительства — намеренного увечья с целью уклонения от службы в армии [1, с. 410]. Подобная дифференциация уголовной ответственности, а также излишняя, как отмечается в юридической литературе, строгость санкций того времени вполне объяснимы тем, что для государства физическое здоровье военных имело первостепенное значение.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. являлось первым полноформатным уголовным кодексом России, заложившим трехзвенную систему телесных повреждений: увечья (тяжкие и менее тяжкие), раны, иные расстройства здоровья. Необходимо отметить, что именно в Уложении впервые в истории российского уголовного законодательства были заложены основы комбинированного подхода к оценке вреда здоровью, опираясь не только на законодательное перечисление типичных признаков вреда здоровью в самой норме права, но и на медицинские рекомендации — Врачебный устав. Законодатель формально заимствовал медико-биологические критерии (анатомическая утрата органа, функциональная потеря способности) для оценки тяжести вреда, но вписал их в утилитарную логику: тяжким считалось то, что наносит наибольший физический ущерб полезности человека.

Уголовное уложение 1903 г., перейдя к трехзвенной классификации телесных повреждений, основывалось на тех же функциональных признаках, что были известны ранее. Уголовный закон подробно перечислял признаки тяжкого повреждения: опасное для жизни повреждение, лишение органа чувств, потеря конеч-

ности и др. И хотя судебная медицина того времени сделала значительный шаг вперед, экономический критерий все еще не имел точной законодательной формулировки, что позволяет заключить: исторически, до революции, критерии определения тяжести вреда здоровью были преимущественно функциональными, оценивающими медицинские последствия для организма, а не экономическую ценность лица как работника.

Первый советский уголовный кодекс 1922 года фактически закрепил трехступенчатую дифференциацию уголовной ответственности за причинение вреда здоровью, основанную на функциональном критерии (утрата ключевых функций организма, эстетические дефекты). Уголовный закон 1922 г. содержания самих критериев не раскрывал, подразумевая преемственность прежних подходов. Но важным новшеством стала ведомственная регламентация: в том же 1922 году Наркомздрав РСФСР и Наркомюст издали Правила для составления заключений о тяжести повреждений. Эти правила обязали судебно-медицинских экспертов определять, к какой категории относится причиненный вред. Таким образом, нельзя не согласиться с мнением А. Е. Рукавишника о том, что в российском уголовном праве до начала XX века применялся исключительно функциональный критерий при оценке тяжести причиненного противоправным деянием вреда здоровью [5]. Закон концентрировался на самом характере увечья и утрате важных функций организма, не пытаясь количественно измерить утрату трудоспособности.

Поворотной стала советская реформа уголовного законодательства в 1926 году. Так, кроме перехода к двухзвенной градации вреда здоровью, впервые в отечественном праве законодательно был закреплен экономический признак тяжести вреда здоровью, исключив критерий непосредственной опасности для жизни и заменив его «иным расстройством здоровья, соединенным со значительной утратой трудоспособности». Первоначально этот признак носил оценочный характер, и постепенно, исходя из нужд практики, были разработаны специальные разъяснения: «Правила составления заключения о тяжести повреждения здоровья» (1928 г.). Указанный нормативный акт установил количественные пороги определения категорий утраты трудоспособности. Исходя из этого, фактически здоровье оценивалось через призму трудовой функции.

Советские криминалисты разделились во мнениях: одни поддерживали учет утраты трудоспособности как «прогрессивный социально-экономический признак, позволяющий учесть реальный ущерб обществу от преступления», другие же указывали, что трудоспособность — показатель производный, следовательно, тяжесть вреда следует определять преимущественно по медико-биологическим (функциональным) критериям (угроза жизни, тяжесть анатомических повреждений и т. д.) [2, с. 127]. В свою очередь, М. Д. Шаргородский, А. С. Никифоров и др. прямо отмечали, что здоровье человека представляет самостоятельную ценность, а ущерб должен измеряться степенью повреждения

организма, а не утилитарными последствиями для его трудовой роли в обществе [4, с. 168; 9], с чем нельзя не согласиться и сегодня. Тем не менее, в 1920–1930-е гг. под влиянием идей производительности человека для государства экономический подход закрепился в законе и сохранился спустя столетие: УК РСФСР 1960 г. хотя и вернулся к классической трехзвенной градации вреда здоровью и признаку опасности для жизни при причинении вреда здоровью, однако сохранил и двойственный подход, который унаследовал и УК РФ 1996 г.

Стоит отметить, что в советский период система критериев тяжести вреда здоровью развивалась не только в нормах УК, но и в ведомственных инструкциях для судебно-медицинских экспертов. После упомянутых Правил 1922 г. были приняты новые нормативы: в 1928 г. Минздрав РСФСР утвердил обновленные правила судебно-медицинской оценки телесных повреждений. Однако уже в 1960-е годы, в связи с принятием новых союзных УК, вновь возникла потребность унификации критериев. К тому времени уголовное законодательство вернулось к трехступенчатой классификации телесных повреждений. В определение тяжкого телесного повреждения были включены новые признаки, развивавшие экономико-функциональный подход (опасность для жизни и здоровья в момент причинения, расстройство здоровья со стойкой утратой общей трудоспособности не менее чем на одну треть и др.). Таким образом, к 1960-м годам советское уголовное право окончательно закрепило дуализм утилитарных критериев.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. внес изменения прежде всего в терминологию: в ст. 111–115 УК РФ законодательно закреплены категории тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью. Это отражало смену юридической концепции объекта преступления — с телесной целостности на здоровье человека как таковое [5]. Тем самым уголовный закон формально признал, что вред может наноситься не только травматизацией тела, но и иным воздействием, и что здоровье охраняется именно в его широком понимании. Однако, несмотря на новую риторику, по своей сути подход законодателя остался прежним. Критерии разграничения тяжести вреда, предусмотренные УК РФ и детализированные медицинскими критериями определения степени тяжести вреда здоровью, практически воспроизводят прежние установки. Так, медицинские критерии определения степени тяжести вреда здоровью (приказ Минздравсоцразвития РФ № 194н от 24.04.2008) практически воспроизвели советскую систему критериев применительно к новым термину УК РФ.

Полувековой опыт правоприменения показал, что наличие в законе двух различных типов критериев не означает равнозначности их на практике. Фактически, практика игнорирует применение экономического критерия, отдавая приоритет функциональному. Так, судебно-медицинские эксперты зачастую ставят на первое место клинично-функциональные показатели

вреда: при любом серьезном увечье констатируется либо опасность для жизни, либо конкретная утрата функции, — и этого обычно достаточно для признания вреда тяжким. Статистические исследования подтверждают этот тезис. Так, на основании анализа 50 приговоров судов первой инстанции по городу Санкт-Петербургу за 2024 г. установлено, что признак «значительной стойкой утраты общей трудоспособности не менее чем на 1/3» как самостоятельное основание квалификации тяжкого вреда не применялся. Это свидетельствует о том, что экономический показатель является практически неиспользуемым, и его сохранение в системе уголовного закона не имеет прикладной значимости. В тоже время исследование приговоров показывает устойчивую тенденцию к приоритету функционального подхода в форме точного указания на конкретный физиологический вред — во всех 50 случаях. Новый порядок определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (утвержден приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 8 апреля 2025 г. № 172н) сегодня нивелировал значение экономического критерия, однако сохранил основной подход: тяжесть оценивается экспертно по медико-биологическим показателям, коррелирующим с утратой функций организма. Таким образом, даже самые современные нормативные решения продолжают двигаться в русле, заданном многие десятилетия назад.

Заключение

Историко-правовой обзор показывает, что на протяжении более чем тысячелетнего развития отечественного законодательства критерии оценки вреда здоровью человека оставались концептуально единообразными. Несмотря на колоссальные изменения социальных формаций, смену идеологий и научные прорывы в медицине — уголовно-правовая парадигма оценивает тяжесть вреда здоровью в первую очередь по утилитарным меркам: вред тем существеннее, чем сильнее он выводит человека из строя, нарушает целостность его тела или способность выполнять социально значимые функции (трудиться, осуществлять обязанности и др.).

Устоявшаяся функционально-утилитарная парадигма сегодня все чаще подвергается критике. Современная медицина рассматривает здоровье не только как способность к труду, но и как состояние полного физического, душевного и социального благополучия. Таким образом, нынешняя правовая модель оценки вреда здоровью, унаследованная от предыдущих эпох, не в полной мере соответствует современным представлениям. Она продолжает рассматривать здоровье человека как «биологического механизма», ущерб которому измеряется в плоскости его функциональной пригодности. Между тем, ценность здоровья в XXI веке понимается шире — как благо личности, не сводимое лишь к утилитарной полезности. Многие исследователи отмечают сомнительность сохранения сугубо медицинских аспектов в юридической оценке вреда

здоровью, поскольку это размывает гарантии прав потерпевших [6].

Подводя итог, можно констатировать: концептуальное единство утилитарно-функционального подхода к оценке тяжести вреда здоровью прослеживается во всем историческом спектре российского права — от Русской Правды до современного УК РФ и приказов Министерства здравоохранения. Подобная парадигма

в современных условиях во многом исчерпала себя. Видится необходимость перехода к новым критериям, учитывающим достоинство личности и реальную ценность здоровья человека. Только переосмыслив устоявшиеся подходы, можно добиться того, чтобы уголовно-правовая охрана здоровья соответствовала современным научным знаниям и гуманистическим ценностям.

Список источников

1. Васильева Т. С. История развития законодательства об ответственности за причинение вреда здоровью человека // Молодой ученый. 2021. № 4 (346). С. 408–412.
2. Жижиленко А. А. Преступления против личности. М.-Л.: Госиздат, 1927. 192 с.
3. Зубкова В. И. Преступления против личности по законодательству России: история, законодательство и практика: монография. Москва: Юрлитинформ, 2016. 280 с.
4. Никифоров А. С. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву. Москва: Госюриздат, 1959. 255 с.
5. Прутовых В. В. К необходимости унификации законодательного инструментария для медико-юридической оценки степени вреда, причиненного здоровью // Медицинское право. 2016. № 1. С. 46–50.
6. Рукавишников Е. А. История становления и правовая регламентация критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью // Человек, преступление и наказание. 2011. № 3. С. 37–40.
7. Собрание средневековых памятников древнерусского (восточнославянского права): учеб. пособие / авт.-соств.: канд. юрид. наук А. В. Серегин, докт. филос. наук М. А. Черкасова. Москва: Юрлитинформ, 2020. 376 с.
8. Филимонова Е. Э. Преступления против личности: от Древней Руси до Российской Федерации // Молодой ученый. 2021. № 26 (368). С. 230–235.
9. Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. Москва: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. 511 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чихрадзе Анна Михайловна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
Россия, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1
E-mail: anna.chikhradze@mail.ru
ORCID: 0009-0000-0763-2228

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna M. Chikhradze

Candidate of Legal Science, Associate Professor of Department of Criminalistic, St. Petersburg University of the MIA of Russia
1 Pilyutova str., St. Petersburg 198206, Russia
E-mail: anna.chikhradze@mail.ru
ORCID: 0009-0000-0763-2228

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 23.07.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 16.08.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.10.2025.